

Из воспоминаний ¹⁾.

Первые месяцы революции.

25 февраля (10 марта) 1917 г. была получена из Петрограда телеграмма от военного министра генерала Беляева, что на заводах в Петрограде объявлена забастовка, и что среди рабочих на почве недостатка в столице продуктов начинаются беспорядки.

В телеграмме добавлено было, что меры к прекращению беспорядков приняты и что ничего серьезного нет.

В тот же день была получена вторая телеграмма от генерала Беляева, в которой сообщалось, что рабочие на улицах поют революционные песни, выкидывают красные флаги и что движение разрастается. Заканчивалась телеграмма указанием, что к 26 февраля (11 марта) беспорядки будут прекращены.

26 февраля (11 марта) генерал Беляев и главный начальник Петроградского военного округа генерал Хабалов уже доносил, что некоторые из войсковых частей, вызванных для прекращения беспорядков, отказываются употреблять оружие против толпы и переходят на сторону бунтующих

¹⁾ „Архив Русской Революции“, том II. Берлин, 1922 г.

Автор—один из генералов царской армии. В момент Февральской революции занимал должность генерал-квартирмейстера верховного главнокомандующего, затем, при верх. главнокомандующих Брусилове и Корнилове был начальником их штаба. Был одним из активных участников корниловского выступления и после крушения последнего был арестован вместе с Корниловым, Деникиным и другими корниловцами и в момент октябрьского переворота находился в заключении в Быхове. В ноябре, при вступлении в Могилев (где находилась ставка верховного главнокомандующего Духонина) советского отряда, бежал вместе со своими сотоварищами по заключению на Дон, где вступил в сформированную Алексеевым и Корниловым добровольческую армию и занимал в ней ряд высоких должностей. Между прочим, в течение второго полугодия 1918 г. был председателем „особого совещания“ при Деникине, т.-е. главой деникинского правительства. При Врангеле состоял его представителем при союзном командовании в Константинополе, теперь—эмигрант. Определенный монархист, выделявшийся даже среди деникинцев своим черносотенством.

рабочих и черни, которая начинает присоединяться к рабочим.

Генерал Беляев продолжал успокаивать, сообщая, что все меры для прекращения беспорядков приняты и что он уверен, что они будут подавлены.

Генерал Хабалов сообщал более тревожные данные и просил о присылке подкреплений, указывая на ненадежность петроградского гарнизона.

Председатель Государственной думы М. В. Родзянко прислал очень тревожную телеграмму, указывая, что начнутся в войсках аресты офицеров, что войска переходят на сторону рабочих и черни, что положение крайне серьезно и что необходима присылка в Петроград надежных частей.

Генерал Алексеев, после доклада государю императору, послал телеграммы главнокомандующим северного и западного фронтов с указанием немедленно приготовить для отправки в Петроград по одной бригаде пехоты с артиллерией и по одной бригаде конницы¹⁾.

Было указано во главе отправляемых бригад поставить энергичных генералов.

26 февраля (11 марта) вечером и утром 27 февраля (12 марта) были получены телеграммы от председателя Государственной думы на имя государя императора, в которых в очень мрачных красках описывалось происходящее в Петрограде и указывалось, что единственный способ прервать революцию и водворить порядок — это немедленно уволить в отставку всех министров, объявить манифестом, что кабинет министров будет ответствен перед Государственной думой, и поручить формирование нового кабинета министров какому-либо лицу, пользующемуся доверием общественного мнения.

Генерал Алексеев доложил эти телеграммы государю, который приказал вызвать генерал-адъютанта Н. И. Иванова²⁾ и поручить ему отправиться в Петроград и принять руководство подавлением мятежа.

Приказано было с генералом Ивановым послать какую-нибудь надежную часть.

Генерал Алексеев вызвал генерала Иванова, передал ему приказание государя и сказал, что вместе с ним из Могилева будет отправлен георгиевский батальон.

Насколько еще не придавалось серьезного значения происходящему в Петрограде, показывает, что с отправкой войск с северного и западного фронтов не торопились, а было приказано лишь «подготовить» войска к отправке.

¹⁾ По воле Временного правительства этот brave генерал и оказался, как известно, первым „революционным“ главноверхом. *Ред.*

²⁾ Жил в Могилеве.

Что касается генерала Иванова, то и он, повидимому, считал, что все закончится скоро и мирно, так как поручил своему адъютанту купить в Могилеве провизию, которую собирался отвезти своим знакомым в Петроград.

27 февраля (12 марта), около двенадцати часов, генерала Алексева вызвал к прямому проводу великий князь Михаил Александрович.

Великий князь сообщил генералу Алексеву те же данные, которые были изложены в телеграммах председателя Государственной думы, и просил начальника штаба верховного главнокомандующего немедленно доложить государю, что и он считает единственным выходом из создавшегося положения — срочно распустить нынешний состав совета министров, объявить о согласии создать ответственное перед Государственной думой правительство и поручить сформировать новый кабинет министров или председателю всероссийского земского союза князю Львову, или председателю Государственной думы Родзянко.

Генерал Алексеев пошел с докладом к государю императору.

Государь выслушал и сказал начальнику штаба, чтобы он передал великому князю, что государь его благодарит за совет, но что он сам знает, как надо поступить.

Вслед за этим была получена новая телеграмма — от председателя совета министров.

Князь Голицын, указывая, что события принимают катастрофический оборот, умолял государя немедленно уволить в отставку весь состав министров. Он указывал, что вообще существующий состав министров теперь оставаться у власти не может, а нахождение в его составе Протопопова вызывает общее негодование и возмущение; что он считает единственным возможным спасти положение и даже спасти династию — только тем, что государь немедленно пойдет на уступки общественному мнению и поручит составить новый кабинет министров, ответственный перед законодательными палатами, или князю Львову или Родзянко.

Генерал Алексеев хотел эту телеграмму послать с офицером для передачи ее государю через дежурного флигель-адъютанта.

Но я сказал генералу Алексеву, что положение слишком серьезно и надо ему идти самому; что, по моему мнению, мы здесь не отдаем себе достаточного отчета в том, что делается в Петрограде; что, повидимому, единственный выход — это поступить так, как рекомендуют Родзянко, великий князь и князь Голицын; что он, генерал Алексеев, должен уговорить государя.

Генерал Алексеев пошел.

Вернувшись через минут десять, генерал Алексеев сказал, что государь остался очень недоволен содержанием телеграммы кн. Голицына и сказал, что сам составит ответ.

— Но вы пробовали уговорить государя согласиться на просьбу председателя совета министров? Вы сказали, что и вы разделяете ту же точку зрения?

— Государь со мной просто не хотел и говорить. Я чувствую себя совсем плохо и сейчас прилягу. Если государь пришлет какой-нибудь ответ,—сейчас же придите мне сказать.

Действительно у генерала Алексеева температура была более 39 градусов.

Часа через два ко мне в кабинет прибежал дежурный офицер и сказал, что в наше помещение идет государь.

Я пошел навстречу.

Спускаясь с лестницы, я увидел государя уже на первой площадке.

Его величество спросил меня:

— Где генерал Алексеев?

— Он у себя в комнате; чувствует себя плохо и прилег. Прошу вас, ваше императорское величество, пройти в ваш кабинет, а я сейчас позову генерала Алексеева.

— Нет, не надо. Сейчас же передайте генералу Алексееву эту телеграмму и скажите, что я прошу ее немедленно передать по прямому проводу. При этом скажите, что это мое окончательное решение, которое я не изменю, а поэтому бесполезно мне докладывать еще что-либо по этому вопросу.

Передав мне, как теперь помню, сложенный пополам синий телеграфный бланк, государь ушел.

Я понес телеграмму начальнику штаба. Телеграмма была написана карандашом собственноручно государем и адресована председателю совета министров.

В телеграмме было сказано, что государь при создавшейся обстановке не допускает возможности производить какие-либо перемены в составе совета министров, а лишь требует принятия самых решительных мер для подавления революционного движения и бунта среди некоторых войсковых частей петроградского гарнизона.

Затем государь указывает, что он предоставляет временно председателю совета министров диктаторские права по управлению в империи вне района, подчиненного верховному главнокомандующему, а что, кроме того, в Петроград для подавления восстания и установления порядка командировается с диктаторскими полномочиями генерал-адъютант Иванов.

Получилось в Петрограде два диктатора.

Я вновь просил генерала Алексева идти к государю и умолять изменить решение; указать, что согласиться на просьбу, изложенную в трех аналогичных телеграммах, необходимо.

После некоторых колебаний начальник штаба пошел к государю.

Вернувшись сказал, что государь решения не меняет.

Телеграмма была послана.

Потом в ставке говорили, что после получения телеграммы от председателя совета министров, государь больше часа говорил по телефону.

Особый телефон соединял Могилев с Царским Селом и с Петроградом.

Так как председателю совета министров государем императором была послана телеграмма, то все были уверены, что государь говорил с императрицей, бывшей в это время в Царском Селе.

До вечера из Петрограда было получено еще несколько телеграмм, указывавших, что положение становится все более и более серьезным.

Главнокомандующему северным фронтом было послано приказание немедленно по подготовке частей, предназначенных к отправлению в Петроград, их послать по назначению.

Часов в 9 вечера, когда я сидел в своем кабинете, кто-то ко мне постучался, и затем вошел дворцовый комендант генерал Воейков.

Дворцовый комендант сказал мне, что государь приказал немедленно подать литерные поезда¹⁾ и доложить, когда они будут готовы; что государь хочет сейчас же, как будут готовы поезда, ехать в Царское Село; при чем он хочет выехать из Могилева не позже 11 часов вечера.

Я ответил, что подать поезда к 11 ч. вечера можно, но отправить их раньше 6 ч. утра невозможно по техническим условиям: надо приготовить свободный пропуск по всему пути и всюду разослать телеграммы.

Затем я сказал генералу Воейкову, что решение государя ехать в Царское Село может привести к катастрофическим последствиям, что, по моему мнению, государю необходимо оставаться в Могилеве; что связь между штабом и государем будет потеряна, если произойдет задержка в пути; что мы ничего определенного не знаем, что делается в Петрограде и Царском Селе, и что ехать государю в Царское Село опасно.

¹⁾ Литерными поездами назывались два поезда, отправлявшиеся один за другим при царских поездках. В одном из поездов ехал государь.

Генерал Восейков мне ответил, что принятого решения государь не изменит, и просил срочно отдать необходимые распоряжения.

Я дал по телефону необходимые указания начальнику военных сообщений и пошел к генералу Алексееву, который уже лег спать.

Разбудив его, я опять стал настаивать, чтобы он немедленно пошел к государю и отговорил его от поездки в Царское Село.

Я сказал, что если государь не желает идти ни на какие уступки, то я понял бы, если б он решил немедленно ехать в особую армию (в которую входили все гвардейские части), на которую можно вполне положиться; но ехать в Царское Село — это может закончиться катастрофой.

Генерал Алексеев оделся и пошел к государю.

Он пробыл у государя довольно долго и, вернувшись, сказал, что его величество страшно беспокоится за императрицу и за детей и решил ехать в Царское Село.

В первом часу ночи государь проехал в поезд, который отошел в 6 часов утра 28 февраля (13 марта).

Утром 28 февраля (13 марта) была получена телеграмма от председателя Государственной думы, в которой сообщалось, что революция в Петрограде в полном разгаре, что все правительственные органы перестали функционировать, что министры толпой арестовываются, что чернь начинает завладевать положением и что комитет Государственной думы, дабы предотвратить истребление офицеров и администрации и успокоить разгоревшиеся страсти, решил принять правительственные функции на себя; во главе комитета остается он — председатель Государственной думы.

С этого момента комитет Государственной думы принял на себя, так сказать, управление революционным движением.

Но, параллельно с комитетом Государственной думы, образовался в Петрограде «совет рабочих и солдатских депутатов», который фактически влиял на решения этого комитета.

Поезд государя дошел до станции «Дно», но дальше его не пропустили — под предлогом, что испорчен мост.

Государь хотел поехать через Бологое по Николаевской железной дороге, но не пустили и туда.

Создалось ужасное положение: связь ставки с государем потеряна, а государя явно не желают, по указанию из Петрограда, пропускать в Царское Село.

Наконец, государь решил ехать в Псков.

В Псков государь прибыл к вечеру 1 (14) марта.

Что собственно побудило государя направиться в Псков, где находился штаб главнокомандующего северного фронта генерала Рузского, а не вернуться в ставку в Могилев?

Объясняют это тем, что в бытность в Могилеве при начале революции он не чувствовал твердой опоры в своем начальнике штаба генерале Алексееве и решил ехать к армии на северный фронт, где надеялся найти более твердую опору в лице генерала Рузского.

Возможно, конечно, и это, но возможно и то, что государь, стремясь скорей соединиться со своей семьей, хотел оставаться временно где-либо по близости к Царскому Селу, и таким пунктом, где можно было иметь хорошую связь со ставкой и с Царским Селом, был именно Псков, где находился штаб северного фронта.

Между тем, отправившийся из Могилева в Петроград с георгиевским батальоном генерал Иванов благополучно 28 февраля (13 марта) прибыл в Царское Село. Поезд его никем задержан не был. По прибытии в Царское Село генерал Иванов, вместо того, чтобы сейчас же высадить батальон и начать действовать решительно, приказал батальону не высаживаться, а послал за начальником гарнизона и комендантом города.

В местных частях войск уже начиналось брожение и образовались комитеты; но серьезных выступлений еще не было. Кроме того, некоторые части, как конвой его величества, так и собственный его величества пехотный полк, были еще в массе своей верными присяге.

Слух о прибытии эшелона войск с фронта вызвал в революционно-настроенных частях смущение; никто не знал, что направляется еще за этим эшелонам.

Но скоро стало известным, что ничего, кроме этого единственного эшелона, с фронта не ожидается.

Оставление георгиевского батальона в поезде и нерешительные действия генерала Иванова сразу изменили картину.

К вокзалу стали прибывать запасные части, квартировавшие в Царском Селе, и начали занимать выходы с вокзальной площади и окружать поезд с прибывшим эшелонам.

Местные власти были совершенно растеряны и докладывали генералу Иванову, что они надеются поддержать порядок в Царском Селе; что высадку и какие-либо действия георгиевского батальона они считают опасными.

Если батальон высадится, то произойдет неизбежное столкновение с местными войсками, порядок будет нарушен, и царской семье будет угрожать опасность. Советовали генералу Иванову отправиться обратно.

С подобными же советами и указаниями к генералу Иванову стали прибывать различные лица и из Петрограда.

После некоторых колебаний генерал Иванов согласился, чтобы его эшелон отправили на станцию Дно.

Таким образом, из командировки генерала Иванова в Царское Село и Петроград с диктаторскими полномочиями ничего, кроме скандала, не получилось.

После отъезда государя из ставки, в течение 28 февраля (13 марта) и 1 (14) марта события в Петрограде развертывались с чрезвычайной быстротой.

В ставке мы получали из Петрограда одну телеграмму за другой, которые рисовали полный разгар революционного движения, переход почти всех войск на сторону революционеров, убийства офицеров и чинов полиции, бунт и убийства офицеров в Балтийском флоте, аресты всех мало-мальски видных чинов администрации.

Волнения начинались в Москве и других крупных центрах, где были расположены запасные батальоны.

Пехотные части, отправленные с северного фронта в Петроград, в Луге были встречены делегатами от местных запасных частей, стали сдавать свои винтовки и объявили, что против своих драться не будут.

От председателя Государственной думы получались телеграммы, в которых указывалось, что против государя в Петрограде страшное возбуждение и что теперь уже совершенно недостаточно произвести смену министерства и образовать новое, ответственное перед Государственной думой, а ставится вполне определенный вопрос об отречении государя от престола; что это единственный выход из положения, так как в противном случае анархия охватит всю страну, и неизбежен конец войны с Германией.

В частности относительно Петрограда указывалось, что только отречение государя от престола может предотвратить почти поголовное избивание офицеров гарнизона и во флоте и разрушение центральных административных аппаратов.

М. В. Родзянко телеграфировал, что посылка войск с фронта ни к каким результатам не приведет, так как войска будут переходить на сторону революционных масс и анархия будет только увеличиваться.

Положение было действительно трудное.

С самого начала, главным образом, вследствие успокоительных телеграмм, получавшихся от военного министра генерала Беляева, не были приняты решительные и достаточные меры для подавления революционного движения, а к 1 (14) марта пожар разгорелся настолько сильно, что потушить его было не легко.

Выход, конечно, был.

Это немедленный отъезд государя в район особой армии и отправка в Петроград и Москву сильных и вполне надежных отрядов.

Революционное движение и в этот период потушить было еще возможно.

Но какой ценой?

Представлялось совершенно неоспоримым, что посылка небольших частей из районов северного и западного фронтов никакого результата не даст.

Для того же, чтобы организовать вполне достаточные и надежные отряды, требовалось дней 10—12 (пришлось бы некоторые дивизии снимать с фронта). За этот же период весь тыл был бы охвачен революцией, и наверно начались бы беспорядки и в некоторых войсковых частях на фронте.

Получалась уверенность, что пришлось бы вести борьбу и на фронте и с тылом. А это было совершенно невозможно.

Следовательно, решение подавить революцию силою оружия, залив кровью Петроград и Москву, не только грозило прекращением на фронте борьбы с врагом, а было бы единственно возможным только именно с прекращением борьбы, с заключением позорного сепаратного мира.

Последнее же было так ужасно, что представлялось неизбежным сделать все возможное для мирного прекращения революции — лишь бы борьба с врагом на фронте не прекращалась.

Кроме того, было совершенно ясно, что если б государь решил, во что бы то ни стало, побороть революцию силою оружия и это привело к прекращению борьбы с Германией и Австро-Венгрией, то не только наши союзники никогда этого не простили бы России, но и общественное мнение России этого не простило бы государю.

Это могло бы временно приостановить революцию, но она, конечно, вспыхнула бы с новой силой в самое ближайшее время, — вероятно, в период демобилизации армии, — и смела бы не только правительство, но и династию.

Утром 1 (14) марта от председателя Государственной думы получена была телеграмма, что в Псков, куда выехал со станции «Дно» государь император, отправляется депутация от имени комитета Государственной думы в составе А. И. Гучкова и В. В. Шульгина, что им поручено осветить государю всю обстановку и высказать, что единственным решением для прекращения революции и возможности продолжать войну является отречение государя от престола, передача его наследнику цесаревичу и назначение регентом великого князя Михаила Александровича.

Главнокомандующий северным фронтом генерал Рузский, с которым об этом уже переговорил М. В. Родзянко, обратился к начальнику штаба верховного главнокомандующего с просьбой высказать по этому вопросу свое заключение и

дать ему данные—как к этому вопросу относятся все главнокомандующие фронтов.

Генерал Рузский заявил, что он должен знать всю обстановку к приезду во Псков государя императора.

Он сказал, что государю, вероятно, будет недостаточно выслушать мнение только его, генерала Рузского; хотя он лично и думает, что вряд ли есть какой-либо иной выход из создавшегося положения, кроме того, который будет предложен государю выехавшей из Петрограда депутацией, но ему необходимо точно знать, как на это смотрит начальник штаба верховного главнокомандующего и другие главнокомандующие фронтов.

Генерал Рузский закончил заявлением, что так как у государя утеряна в данное время связь с армией, то начальник его штаба, на основании Положения о полевом управлении войск, фактически вступил в исполнение обязанностей верховного главнокомандующего и поэтому должен, с точки зрения боевой, дать оценку происходящим событиям.

Генерал Алексеев поручил мне составить телеграмму главнокомандующим фронтам с подробным изложением всего происходящего в Петрограде, с указанием о том, что ставится вопрос об отречении государя от престола в пользу наследника цесаревича с назначением регентом великого князя Михаила Александровича, и с просьбой, чтобы главнокомандующие срочно сообщили по последнему вопросу свое мнение.

Телеграмма была подписана генералом Алексеевым и по прямому проводу передана всем главнокомандующим.

Через несколько времени меня вызвал к прямому проводу главнокомандующий западного фронта генерал Эверт и сказал, что он свое заключение даст лишь после того, как выскажутся генералы Рузский и Брусилов.

Так как мнение генерала Рузского о том, что другого выхода, повидимому, нет, кроме отречения от престола государя императора; было известно, то это мнение главнокомандующего северного фронта я и сообщил генералу Эверту, сказав, что заключение генерала Брусилова будет ему сообщено.

Вслед за этим из штаба юго-западного фронта передали телеграмму генерала Брусилова, который сообщил, что, по его мнению, обстановка указывает на необходимость государю императору отречься от престола.

Мнение генерала Брусилова было передано генералу Эверту, и он ответил, что, как ему ни тяжело это сказать, но и он принужден присоединиться к мнениям, высказанным генералами Рузским и Брусиловым.

Затем была получена из Тифлиса копия телеграммы великого князя Николая Николаевича, адресованной на имя государя.

Великий князь докладывал государю, что, как это ни ответственно перед богом и родиной, но он вынужден признать, что единственным выходом для спасения России и династии и для возможности продолжать войну является отречение государя от престола в пользу наследника.

Главкомандующий румынского фронта генерал Сахаров долго не отвечал на посланную ему телеграмму и требовал, чтобы ему были сообщены заключения всех главнокомандующих.

После посланных ему мнений главнокомандующих он прислал свое заключение.

В первой части своей телеграммы, отзываясь очень резко об образовавшемся комитете Государственной думы, называя его шайкой разбойников, захвативших в свои руки власть, он указывает, что их надо просто разогнать.

Во второй части телеграммы он говорит, что то, что сказал, подсказывает ему сердце, но разум принужден признать необходимость отречения от престола.

Все заключения главнокомандующих были переданы генералу Рузскому, при чем и генерал Алексеев высказался за отречение государя в пользу наследника.

После приезда государя в Псков генерал Рузский доложил ему все телеграммы.

Поздно вечером 1 (14) марта генерал Рузский прислал телеграмму, что государь приказал составить проект манифеста об отречении от престола в пользу наследника с назначением великого князя Михаила Александровича регентом.

Государь приказал проект составленного манифеста передать по прямому проводу генералу Рузскому.

О полученном распоряжении я доложил генералу Алексею, и он поручил мне, совместно с начальником дипломатической части в ставке г. Базили, срочно составить проект манифеста.

Я вызвал г-на Базили, и мы с ним, вооружившись Сводом Законов Российской Империи, приступили к составлению проекта манифеста.

Затем составленный проект был доложен генералу Алексею и передан по прямому проводу генералу Рузскому.

По приказанию генерала Алексея, после передачи проекта манифеста в Псков, об этом было сообщено в Петроград председателю Государственной думы.

От М. В. Родзянко после этого была получена довольно неясная телеграмма, заставившая думать, что и эта уступка со стороны государя может оказаться недостаточной.

2 (15) марта, после разговора с А. И. Гучковым и В. В. Шульгиным, государь хотел подписать манифест об отречении от престола в пользу наследника.

Но, как мне впоследствии передавал генерал Рузский, в последнюю минуту, уже взяв для подписи перо, государь спросил, обращаясь к Гучкову, можно ли будет ему жить в Крыму.

Гучков ответил, что это невозможно; что государю нужно будет немедленно уехать за границу.

«А могу ли я тогда взять с собою наследника?»—спросил государь.

Гучков ответил, что и этого нельзя; что новый государь при регенте должен оставаться в России.

Государь тогда сказал, что ради пользы родины он готов на какие угодно жертвы, но расстаться с сыном—это выше его сил: что на это он согласиться не может.

После этого государь решил отречься от престола и за себя и за наследника, а престол передать своему брату Михаилу Александровичу.

На этом было решено, и переделанный манифест был государем подписан¹⁾.

Перед отречением от престола государь подписал указ об увольнении в отставку прежнего состава совета министров и о назначении председателем совета министров князя Львова.

Приказом по армии и флоту и указом правительствующему сенату верховным главнокомандующим государь назначил в. кн. Николая Николаевича.

Все это с курьером было послано в ставку для немедленного опубликования.

Получив телеграмму о том, что государь отрекся от престола в пользу в. кн. Михаила Александровича, в ставке стало ясно, что на этом дело не кончится.

Во-первых, по основным законам о престолонаследии, царь мог отречься только за себя; за своего наследника он отречься от престола не мог.

¹⁾ В стенограмме доклада В. В. Шульгина Комитету Государственной думы о результате поездки его и Гучкова к государю, об окончательном решении государя отречься в пользу брата излагается не так.

В стенограмме сказано:

„Когда Гучков кончил, заговорил царь. Его голос и манеры были гораздо спокойней и деловитей. Совершенно спокойно, как о самом обыкновенном деле, он сказал: „Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До трех часов дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться с моим сыном я неспособен“. Тут он сделал очень короткую остановку и продолжал: „Вы это, надеюсь, поймете. Поэтому я решил отречься в пользу брата“.

Во-вторых, приходящие отрывочные и недостаточно ясные телеграммы указывали, что отречение государя вряд ли удовлетворит довлеющий над комитетом Государственной думы совет рабочих и солдатских депутатов.

В-третьих, было крайне сомнительным, чтобы Михаил Александрович, по свойствам своего характера, согласился в такую минуту стать императором.

И действительно, из Петрограда была получена телеграмма, что в. кн. Михаил Александрович со своей стороны отрекается от престола.

Председатель Государственной думы прислал телеграмму, что надо задержать приказ, объявляющий о вступлении на престол вел. кн. Михаила Александровича, чтобы не произошло путаницы.

На фронты были посланы подробные разъяснения происходивших событий.

3 (16) марта государь вернулся из Тскова в Могилев.

Настроение в ставке было подавленное.

Никто не верил, что новое Временное правительство, формируемое в Петрограде, с князем Львовым во главе, окажется на должной высоте.

Чувствовалось, что пройден только первый этап революции; что Государственная дума, до некоторой степени руководившая ходом событий до отречения государя от престола и по почину которой было образовано Временное правительство, начинает отстраняться, затмеваться новым органом, созданным в виде совета рабочих и солдатских депутатов; чувствовалось, что этот новый орган прежде всего враждебен армии¹⁾ и вряд ли с образованием Временного правительства откажется от желания производить дальнейшее углубление революции.

Этот совет с первых же дней революции посылал на фронт агитаторов, возбуждавших солдат против офицеров и требовавших создания во всех частях войск комитетов, которые захватили бы в свои руки власть.

Началось брожение и в войсковых частях, бывших в Могилеве.

Генералом Алексеевым были посланы телеграммы главнокомандующим фронтами с требованием срочно командировать на узловые станции надежные войсковые части, образовать при них военно-полевые суды и затем, вылавливая агитаторов из поездов, тут же предавать их военно-полевому суду.

¹⁾ Это, конечно, неправда. К армии у совета никогда никакой вражды не было. Была лишь вполне справедливая вражда к контр-революционно настроенной части командного состава. Именно об этой „армии“ идет речь ген. Лукомского. *Ред.*

Узнав об этом распоряжении генерала Алексеева, Временное правительство потребовало его отмены¹⁾.

Желая водворить порядок в Петрограде, еще в период формирования Временного правительства председатель Государственной думы просил генерала Алексеева срочно командировать в Петроград на должность главного начальника Петроградского военного округа командира 25 армейского корпуса генерала Корнилова.

Генерал Корнилов был вызван по телеграмме и через несколько дней проехал в Петроград.

На другой день после приезда государя из Пскова, из Киева в Могилев приехала вдовствующая императрица Мария Федоровна.

Императрица оставалась в Могилеве до отъезда государя в Царское Село.

Государь задерживал свой отъезд из Могилева, и это, повидимому, нервировало Петроград, так как оттуда несколько раз запрашивали о времени, когда государь решил уехать из ставки.

Задерживался ли государь из-за желанья продлить свое свидание с матерью-императрицей, или просто ему трудно и больно было окончательно решиться ехать в Царское Село и стать узником Временного правительства — я не знаю; но что государь оттягивал свой отъезд — это верно.

Наконец, государь сказал генералу Алексееву, что он выезжает в Царское Село 8 (21) марта.

Об этом была послана телеграмма в Петроград, и оттуда было отвечено, что для сопровождения государя до Царского Села 8 (21) марта утром приедут несколько делегатов, командируемых от Временного правительства.

Перед своим отъездом из Могилева государь пожелал попрощаться со всеми чинами штаба.

По распоряжению генерала Алексеева, все чины штаба верховного главнокомандующего и представители конвоя были собраны в большом зале помещения дежурного генерала.

Государь вошел и, сделав общий поклон, обратился к нам с короткой речью, в которой сказал, что благо родины, необходимость предотвратить ужасы междоусобицы и гражданской войны, а также создать возможность направить все силы для продолжения борьбы на фронте — заставили его решиться отречься от престола в пользу своего брата в. кн. Михаила Александровича; но что в. кн. в свою очередь отрекся от престола.

¹⁾ Под давлением Петроградского совета. *Ред.*

Государь обратился к нам с призывом повиноваться Временному правительству и приложить все усилия к тому, чтобы война с Германией и Австро-Венгрией продолжалась до победного конца.

Затем, пожелав всем всего лучшего и поцеловав генерала Алексева, государь стал всех обходить, останавливаясь и разговаривая с некоторыми.

Напряжение было очень большое; некоторые не могли сдержаться и громко рыдали. У двух произошел истерический припадок. Несколько человек, во весь рост, рухнули в обморок.

Между прочим, один старик конвоец, стоявший близко от меня, сначала как-то странно застонал, затем у него начали капать из глаз крупные слезы, а затем, вскрикнув, он, не сгибаясь в коленях, во весь свой большой рост, упал навзничь на пол.

Государь не выдержал: оборвав свой обход, поклонился и, вытирая глаза, быстро вышел из зала.

Перед отъездом из Могилева государь подписал следующее обращение к войскам:

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения за себя и за сына моего от престола Российского, власть передана Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему.

Да поможет ему бог вести Россию по пути славы и благоденствия.

Да поможет бог вам, доблестные войска, отстоять нашу родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы¹⁾.

Кто думает теперь о мире, кто желает его, — тот изменник отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестную нашу родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников.

Помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

1) „С легкой руки“ Николая II этот „патриотический“ лозунг сделался чрезвычайно популярным у всех его вольных и невольных душеприказчиков. Вокруг формулы „война до победного конца“ объединились все контр-революционные и оппортунистические элементы, ухватившись за нее, как за сильнейшее противоядие против революции, против ее дальнейшего развития и углубления. *Ред.*

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей великой родине. Да благословит вас господь бог и да ведет вас к победе святой великомученик и победоносец Георгий».

«Николай».

Ставка, 8 (21) марта, 1917.

Это обращение государя было немедленно передано во все штабы фронтов для сообщения в войска.

Впоследствии, как мне говорил генерал Алексеев, его упрекали из Петрограда за то, что он позволил себе передать в войска обращение уже отрекшегося от престола императора...

После того как государь с некоторыми лицами свиты сел в поезд, произошел совершенно ненужный и неприятный инцидент.

Г-да делегаты, присланные из Петрограда, по собственному ли почину, или по полученному указанию, произвели проверку всех едущих в поезде и некоторым из них объявили, что они должны выйти из поезда и в Царское Село им ехать не разрешается.

В числе этих лиц, изгоняемых из поезда, были: министр двора граф Фредерикс, дворцовый комендант Воейков и адмирал Нилев.

Все это делалось крайне резко и просто неприлично. Эти господа объявили, что они хозяева поезда и их распоряжения должны исполняться.

Было об этом доложено государю.

Государь махнул рукой и сказал тихим голосом: «Надо исполнить их требование. Пускай теперь делают, что хотят».

Поезд ушел.

Временным правительством был обещан государю с семьей свободный выезд за границу.

К несчастью в это время наследник и великие княжны были больны корью, и всей царской семье пришлось, в качестве арестованных, остаться в Царском Селе.

Но если б даже царская семья могла выехать за границу, то крайне сомнительно, чтобы это было допущено Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов.

Это явствует из того, что, по требованию этого совета, по указанию Временного правительства, государь должен был ежедневно, при смене караулов, проходить мимо них, чтобы они видели, что он налицо, что он не сбежал.

Таким образом, государь уже с момента приезда в Царское Село находился под арестом, а в совете рабочих и солдатских депутатов уже поднимались голоса о необходимости суда над отрекшимся от престола императором.

Впоследствии, когда, вопреки обещанию Временного правительства, царскую семью отправили не за границу, а под предлогом вывезти из Царского Села в более безопасное место, повезли в ссылку в Сибирь, — стало ясно, что России не избежать позора расправы озверелых негодяев или наемных убийц с царской семьей.

Вдовствующая императрица уехала в Киев в день, когда государь отправился в Царское Село.

Если не ошибаюсь, 10 (23) марта в Могилев приехал вел. князь Николай Николаевич.

Генерал Алексеев и я поехали с докладом в поезд в. князя.

В. князь нас принял и сказал, что он получил письмо от председателя Временного правительства, в коем кн. Львов указывает, что в. князю по многим соображениям невозможно быть верховным главнокомандующим, и просит его в командование не вступать.

Вместо доклада, мне пришлось написать проект ответной телеграммы от в. князя председателю Временного правительства о том, что должности верховного главнокомандующего в. князь принимать не будет.

А между тем в. кн. Николай Николаевич, пользовавшийся большой популярностью в армии, был единственный человек, который мог бы железной рукой поддержать дисциплину в армии, не допустить развала и довести войну до конца.

Но, естественно, в. князь представлялся опасным для «завоеваний революции», и недопущения его к занятию поста верховного главнокомандующего надо было ожидать.

Через несколько дней после отъезда в. кн. Николая Николаевича в Могилев приехали члены нового Временного правительства.

На вокзале, кроме официально встречавших лиц от штаба верховного главнокомандующего, были представители городского самоуправления, состав образовавшегося в Могилеве совета рабочих депутатов, незначительное количество публики и чины железнодорожной стражи.

Поезд подошел.

Генерал Алексеев пошел в министерский вагон. Прошло минут десять, и поочереди стали появляться члены нового правительства и, рекомендуясь (я — такой-то, министр юстиции), обращались к толпе с речью.

Это было и непривычно и просто смешно.

Кто-то из стоявших рядом со мной сказал: «совсем как выход на сцену царей в оперетке «Belle Hélène»¹⁾».

¹⁾ „Прекрасная Елена“. Ред.

Верховным главнокомандующим был несколько позже назначен генерал Алексеев, а начальником штаба — генерал Деникин.

После образования Временного правительства первый острый период революции прошел, и наступил второй, более длительный — период «углубления революции».

Если он был менее бурный в тылу, то он постепенно становился все более и более бурным на фронте.

Агитация в войсках все более усиливалась.

Руководители ее, находясь в Петрограде в составе совета рабочих и солдатских депутатов, а некоторые и в составе Временного правительства, начали прилагать все усилия к тому, чтобы вытравить из армии все «старорежимные порядки», а в первую голову — воинскую дисциплину, говоря, что ее надо заменить «сознательной, революционной дисциплиной».

Как следствие этого, начали всюду образовываться комитеты, стремящиеся захватить власть в свои руки, дисциплина стала расшатываться, начались сначала единичные, а затем все более и более учащавшиеся случаи убийства офицеров и генералов.

Армия стала разваливаться.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов выпустил и разослал по телеграфу во все армии приказ (под названием приказ № 1), который в корне подрывал дисциплину, лишая офицерский командный состав какой-либо власти над солдатами.

В составлении этого приказа принимали участие генерального штаба генерал Потапов¹⁾ (назвавший себя «первым революционным генералом») и известный «сенатор» (был проведен в сенаторы Керенским) Соколов, впоследствии избитый солдатами, когда он их уговаривал слушать распоряжения Временного правительства.

Временное правительство отрицало свое участие в издании этого приказа, но попустительское было явное²⁾, так как, во-первых, этот приказ был передан в армии по прямому проводу из управления генерального штаба, а во-вторых, официальное заявление Временного правительства о

¹⁾ Потапова Лукомский прилетает сюда зря. Он, правда, повинен в кое-каких «преступлениях» против старорежимной дисциплины (см., напр., у Деникина), но в составлении приказа № 1 никакого участия не принимал. *Ред.*

²⁾ Конечно, как это видно из воспоминаний Родзянко, Шидловского и др., обвинения в «попустительстве» совершенно не основательны. Для Врем. правительства приказ № 1 был не менее неприятен, чем и для ген. Лукомского. Оно «честно боролось против этого приказа, как и против других «эксцессов», как и против революции вообще. Но что же могло оно сделать, не имея у себя реальной силы? *Ред.*

том, что этот приказ от него не исходит, несмотря на настояния генерала Алексеева, появилось с значительным запозданием, и в армиях приказ № 1 был принят как распоряжение правительства и послужил первым решительным толчком к развалу.

В Петрограде в военном министерстве с первых же дней революции выделилась группа молодых офицеров генерального штаба (прозванных «младотурками»), которые, желая выделиться и выдвинуться в период революции, начали проповедывать необходимость радикальной ломки «старых, отживших и неревOLUTIONОННЫХ» отношений между офицерами и солдатами; требовали введения всюду комиссаров и комитетов, уничтожения погон и проч.

И среди более пожилых, и в генеральских чинах, накануне ярых монархистов, появилось много убежденных республиканцев. Их прозвали «мартовскими эсерами».

При военном министерстве была образована особая комиссия для пересмотра уставов и положений и для выработки новых форм отношений между военнослужащими, на замену «старорежимных».

Комиссия эта работала в тесном контакте с советом рабочих и солдатских депутатов и подобострастно прислушивалась к требованиям, оттуда исходящим.

Председателем этой комиссии был назначен генерал Поливанов, который позорным потворством демагогическим требованиям некоторых членов этой комиссии способствовал развалу армии.

Большинство этих «реорганизаторов» не понимало, что во время войны нельзя производить таких опытов с армией, и бессознательно шло на поводу у тех, которые сознательно шли на развал дисциплинированной регулярной армии.

Новый военный министр А. И. Гучков говорил, что он примет все меры к поддержанию дисциплины в армии и будет пресекать все попытки к ее развалу.

Но первые же его шаги в качестве военного министра, предпринятые с целью освежения командного состава, были неудачны.

Среди старших начальников были действительно такие, которых надо было убрать; но военный министр принялся за это дело слишком решительно и довольно неосмотрительно.

Был составлен список всех старших начальствующих лиц от командующих армиями до начальников дивизий включительно, и затем г. Гучков предложил нескольким генералам, которым он доверял, поставить против всех помещенных в списке отметки о годности и негодности.

Затем, по соглашению с генералом Алексеевым, было

уволено со службы свыше 100 генералов из числа занимавших высшие командные и административные должности.

Это в свою очередь вызвало колоссальное перемещение и на более низких должностях.

В этот период такую операцию производить было рискованно.

Затем г. Гучков ходом событий был увлечен на соглашательский путь с крайними элементами, и кончилось это тем, что, увидя полную свою беспомощность и неминуемую гибель армии, как регулярной силы, он отказался от поста военного министра¹⁾.

Донесения, поступающие из армий, указывали, что все постепенно разваливается.

Хуже всего было, конечно, в тыловых частях, в различных тыловых и технических командах и во вновь сформированных дивизиях, в которых был менее прочный офицерский и унтер-офицерский кадр и которые были почти исключительно пополнены из запасных батальонов.

Думать о возможности скоро начать какие-либо активные действия на фронтах было трудно.

Надо было постараться снова прибрать расшатавшиеся части к рукам.

Работать в ставке стало трудно и тяжело; чувствовалось полное бессилие задержать ход событий и остановить начавшийся развал армии.

В конце марта я обратился к генералу Алексееву с просьбой освободить меня от должности генерал-квартирмейстера и дать мне назначение в строй.

Я просил дать мне освобождавшийся XI армейский корпус. Но в этот же день от главнокомандующего юго-западным фронтом было получено представление о назначении командиром XI армейского корпуса другого генерала, и я был назначен командиром I арм. корпуса, бывшего на северном фронте.

В начале апреля я отправился к месту моего нового служения.

I арм. корпус в это время был отведен в резерв, и штаб корпуса находился в Везенберге.

С первых же дней моего командования я убедился, что придется быть не командиром корпуса, а «главноуглаваривающим».

¹⁾ В действительности дело обстоит значительно иначе: причиной «ухода» Гучкова было его «соглашательство» с черносотенным генералитетом, жаждавшим обуздания революции, а не с «крайними элементами». *Ред.*

В хорошем виде еще были артиллерийские и инженерные части, в которых, вследствие меньшей убыли во время войны, было много кадровых офицеров и солдат. Дисциплина в этих частях еще держалась.

Что же касается всех трех пехотных дивизий, то они были на пути к полному развалу.

Я ежедневно получал донесения от начальников дивизий, рисовавших положение в самых мрачных красках, указывавших, что образовавшиеся в частях войск комитеты решительно во все вмешиваются; занятий части войск производить не хотели; дисциплинарную власть начальствующие лица применять не могли; комитеты стремились получить в свое распоряжение все экономические суммы частей войск.

Я ежедневно бывал то в одном, то в другом полку.

Но кроме планомерных, намеченных мною разъездов по частям войск, мне приходилось почти ежедневно по просьбе то одного, то другого из начальников дивизий ездить в полки, в которых возникали те или иные недоразумения.

Мне с большим трудом удавалось сохранить только внешнюю дисциплину в войсках.

Корпус был расквартирован на очень широком пространстве, примыкая на запад к реке Нарове.

Близость Петрограда давала себя чувствовать. Вся выходящая в Петрограде пропагандная литература, в виде всевозможных воззваний, листов и проч., уже на следующий день по выходе была в частях войск моего корпуса.

Почти ежедневно в войсках появлялись пропагандисты, отправляемые из Петрограда.

К концу апреля, с появлением в Петрограде Ленина, пропаганда еще усилилась.

Открытая пропаганда, которую вел Ленин в Петрограде и которой потворствовало Временное правительство¹⁾, делала почти невозможным борьбу против нее в войсках.

15 (28) мая я получил приказ подготовить корпус к отправке на фронт.

Сейчас же, как в войсках об этом узнали, стали ко мне поступать донесения начальников дивизий, что из полков поступают сведения о том, что солдаты, основываясь на якобы недостаточном для современного боя числе имеющихся в частях пулеметов и недостаточной подготовке к боевой работе недавно прибывших пополнений, заявляют, что раньше присылки двойного, против положенного, числа

¹⁾ Опять совершенно неосновательное обвинение. Единственно, чему всячески „потворствовало“ Врем. правительство во главе с Керенским, — это контр-революционной работе Лукомских, Алексеевых, Деникиных и Корниловых. *Ред.*

пулеметов и должной подготовки присланных пополнений они на позицию стать не могут.

Но 1 (14) июня началась посадка войск для отправки на фронт, и никаких серьезных недоразумений не произошло.

3 (16) июня я получил из ставки от начальника штаба верховного главнокомандующего генерала Деникина, телеграмму, в которой он мне сообщает, что приказом Временного правительства я назначен начальником штаба верховного главнокомандующего и мне надо немедленно выехать в Могилев.

Перед этим был получен приказ, что вместо генерала Алексева верховным главнокомандующим назначен генерал Брусилов.

4 (17) июня приехал мой заместитель, и я отправился в Могилев.

Явившись к новому верховному главнокомандующему, я в день моего приезда в Могилев принял от генерала Деникина должность начальника штаба. Генерал Деникин был назначен главнокомандующим западного фронта.

Настроение в ставке было тяжелое.

Новый верховный главнокомандующий генерал Брусилов принял сразу более чем недостойный заискивающий тон по отношению к Могилевскому совету рабочих и солдатских депутатов.

Этот совет при генерале Алексееве действовал осторожно и не решался открыто предъявлять каких-либо требований к ставке.

Поведение генерала Брусилова сразу придало смелости членам совета, и к верховному главнокомандующему от него поступили определенные требования принять меры к уничтожению «контр-революционного гнезда» в ставке.

Генерал Брусилов несколько раз собирал у себя членов этого совета, беседовал с ними и заявил, что он сам не допустит в ставке проявления контр-революционного движения и что если у совета имеются какие-либо конкретные данные, то он просит их ему дать. На основании же голословных обвинений он никого из служащих в ставке удалять не может.

Те обещали представить материал, вполне изобличающий чинов ставки в контр-революционных намерениях и поступках, но так ничего и не представили.

Приехавшему в ставку новому военному министру Керенскому была представлена полная картина того развала, который происходит в армии.

Хотя он и соглашался с необходимостью принять меры для восстановления дисциплины, но категорически выска-

заялся против восстановления смертной казни¹⁾, отмененной в начале революции.

Все еще Временному правительству, находящемуся под влиянием Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, мерещилась контр-революция, и оно боялось вернуть командному составу прежнюю власть²⁾.

Стремление иметь всюду свой глаз и свое ухо выразилось в насаждении всюду политических комиссаров.

Выбор этих комиссаров часто был очень неудачен.

Помню, как Керенский представлял генералу Брусилову, если не ошибаюсь, капитана Калинина (или Калнина), назначенного комиссаром на западный фронт.

Генерал Брусилов, поздоровавшись с новым комиссаром, спросил его, где он начал службу.

— В такой-то конной батарее.

— Долго ли вы в ней служили?

— Немного больше года.

— А после конной батареи где протекала ваша служба?

Довольно продолжительное молчание, а затем ответ: нигде.

— То-есть как так нигде? я не понимаю. Где же вы были после конной батареи?

— Я был обвинен в политическом преступлении и находился в Сибири в тюрьме, а затем в ссылке.

— А! но как же вы теперь капитан?

— После революции я, как бывший политический, был из ссылки возвращен и, в сравнение со сверстниками, произведен в капитаны.

Генерал Брусилов ничего не нашелся сказать.

И вот таких «опытных» политических деятелей Временное правительство назначало комиссарами!

Что они могли делать иное, как не продолжать развал армии?

Отношение членов Временного правительства к явно вредным и преступным элементам видно хотя бы из следующих примеров.

Как-то мне доложили, что в поезде, прибывшем на станцию Могилев из Петрограда, едет какой-то прапорщик, который всю дорогу вел самую возмутительную пропаганду и раздавал в поезде большевистскую литературу, и что этот прапорщик едет на юго-западный фронт.

Я по телефону приказал задержать поезд, арестовать

¹⁾ Впоследствии он, как известно, согласился и с этим. *Ред.*

²⁾ В действительности Временное правительство менее всего боялось контр-революции; если последняя „мерещилась“ ему, то лишь как спасительница от так называемой „анархии“. *Ред.*

этого прапорщика, произвести дознание и обыск в купе, в котором он находился.

Дознание подтвердило все, что было мне сообщено, а арестованный прапорщик оказался Крыленко, впоследствии первый верховный главнокомандующий (главковерх) у большевиков.

Он вез целый тюк листовок самого возмутительного содержания.

При обыске у Крыленко оказался «мандат» от Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

Я доложил Брусилову, и было решено Крыленко отправить в штаб юго-западного фронта (там находилась его часть), с предписанием немедленно предать его суду¹⁾.

В Петроград же было по телеграфу сообщено об этом аресте, чтобы обратить внимание на деятельность совета рабочих и солдатских депутатов.

Результат получился совершенно неожиданный.

Военное министерство потребовало присылки Крыленко в Петроград; там же, вероятно, под давлением совета рабочих и солдатских депутатов, без всякого суда его выпустили на свободу.

Другой случай касается некоего штабс-капитана Муравьева, впоследствии командовавшего у большевиков армией, взявшего Киев и зверски расправившегося там с офицерами.

Этот Муравьев явился в ставку с письмом из военного министерства, в котором просилось отнестись благосклонно к проекту этого господина.

Явившись ко мне, Муравьев доложил, что вследствие развала на фронте теперь начинают там формировать особые ударные части, которые своим примером должны будут увлечь других и, конечно, при будущем наступлении сыграют крупную роль; что и в тылу формируются женские ударные части; но что все это недостаточно, что он решил ходатайствовать об утверждении устава особого общества, которому было бы предоставлено право немедленно приступить к широкому формированию ударных батальонов как на фронте, так и в тылу.

Помимо того, что явно каторжный вид этого Муравьева не внушал никакого доверия, я принципиально не считал

¹⁾ Чрезвычайно характерный инцидент, показывающий, насколько прочно чувствовали себя „старорежимные“ генералы, совершенно не считавшиеся ни с революционными завоеваниями, ни с революционными учреждениями. Можно себе представить, как действовали эти господа во „вверенных“ им частях, если даже уполномоченных совета не стеснялись отдавать за „возмутительную агитацию“ под суд, как будто никакой революции не было. *Ред.*

правильным допустить какую-то организацию из неизвестных лиц к такой работе.

Кроме того, я считал, что на фронте есть только определенные начальники, и существование, параллельно с ними, какой-то самостоятельной организации невозможно.

Я это высказал Муравьеву.

Он просил разрешения представиться генералу Брусилову, о чем, как он сказал, просит и военный министр.

Я сказал, что доложу главнокомандующему.

Генерал Брусилов решил принять Муравьева, но согласился с моим мнением и обещал определенно отказать в его просьбе.

На другой день Муравьев вновь ко мне явился и сказал, что генерал Брусилов дал свое согласие на утверждение устава и даже подписал какое-то удостоверение на имя Муравьева.

Я пошел к генералу Брусилову. Оказалось, что он лишь сказал Муравьеву, что он не будет возражать против организации формирования ударных частей в тылу.

Я стал доказывать, что и это невозможно, что они нам наформируют такие части, которые окончательно погубят фронт.

Генерал Брусилов, в конце концов, со мной согласился и приказал в этом духе написать в Петроград.

В Петроград было написано, но переписка по этому вопросу тянулась еще долго, и Муравьеву военным министерством и впоследствии поручались различные работы.

Много пришлось возиться с вопросом о формировании украинских частей.

Приезжавший в ставку Петлюра¹⁾ добивался получения разрешения формировать отдельную Украинскую армию.

В этом отношении Временное правительство поддержало ставку, и было разрешено только постепенно украинизировать несколько корпусов на юго-западном и румынском фронтах, отнюдь не перемещая офицеров.

Генерал Брусилов отлично понимал, что политика, которую проводило Временное правительство по отношению к армии, ее губила.

Но неправильный тон, им принятый с самого начала, не давал ему возможности резко изменить линию своего поведения.

Он постепенно, путем разговоров с наезжавшим в ставку Керенским и путем подачи записок, старался добиться восстановления прежней власти командного персонала.

¹⁾ Небезызвестный украинский деятель.

Между тем, союзники настаивали на начале активных действий на нашем фронте.

С другой стороны, теплилась надежда, что, может быть, начало успешных боев изменит психологию массы и возможно будет начальникам вновь подобрать вырванные из их рук вожжи.

На успех надеялись вследствие сосредоточения на фронте значительной артиллерии и считали, что, может быть, при поддержке могущественного артиллерийского огня части пойдут вперед, а победа даст и все остальное ¹⁾.

Наступление было намечено на всех фронтах.

Наиболее сильный удар намечался на юго-западном фронте.

Дабы подбодрить войска и влить в них «революционный порыв», г. Керенский отправился на юго-западный фронт.

После сильной артиллерийской подготовки, 18 июня (1 июля) началось наступление, и первоначально успех был.

Но уже через несколько дней выяснилось, что многие части драться не хотят, начались самовольные уходы с позиций, неисполнение боевых приказов.

Частичный успех на фронте VIII армии делу не помог.

Прорыв фронта германцами несколько северней участка, где нами наносился главный удар, повлек за собой паническое отступление почти по всему юго-западному фронту.

Только применением суровых мер и массовыми расстрелами дезертиров удалось остановить, в конце концов, войска. Но при отступлении были потеряны большие артиллерийские склады и значительное количество артиллерии.

Наступление на западном фронте не дало никаких результатов: войска сначала заняли разрушенные артиллерийским огнем германские позиции, а затем отошли в исходное положение.

На северном фронте все, в сущности говоря, ограничилось артиллерийским огнем.

На румынском фронте сначала был достигнут незначительный тактический успех, но затем мы перешли к обороне.

После неудачного июньского наступления и Временное правительство поняло, что для поднятия дисциплины и восстановления безопасности армии нужно принять решительные меры и вернуть престиж и власть командному составу.

Комиссары, бывшие на фронте, с своей стороны присоединили свои голоса к настойчивым требованиям командного состава.

Временное правительство убедилось, что одними уговорами ничего не поделаешь.

¹⁾ „Все остальное“... это — осуществление планов черносотенного генералитета, мечтавшего о подборании „вожжей“, жестокой чистке Петрограда (см. у Деникина) и т. д. *Ред.*

Первым решительным в этом отношении шагом было назначение на пост главнокомандующего юго-западного фронта командующего VIII армией генерала Корнилова, проводившего взгляд, что только железная дисциплина может спасти армию.

Г. Керенский на словах соглашался с необходимостью принять решительные и суровые меры для спасения армии, но в действительности колебался и оттягивал разрешение этого вопроса.

Во всяком случае, Временное правительство не считало возможным совершенно уничтожить комитеты и упразднить комиссаров.

Г. Савинков, который был на стороне более решительных действий для восстановления порядка в армии, также был лишь за ограничение круга деятельности комитетов, но не за их упразднение. Комиссаров он считал нужным сохранить.

В Петрограде 3 (16) июля произошло выступление большевиков.

Большая часть петроградского гарнизона осталась на стороне правительства, и выступление большевиков не удалось¹⁾.

Но, к общему возмущению, Временное правительство проявило себя после подавления большевистского выступления преступно слабым.

Ленину, которого можно было легко арестовать, дали возможность скрыться.

Арестованного Троцкого (Бронштейна), по приказанию Временного правительства, из-под ареста освободили.

Предателей и изменников родины, работавших на германские деньги²⁾, открыто требовавших прекращения войны и мира «без аннексий и контрибуций», не только не наказали со всей строгостью закона, но дело о них было фактически прекращено, и им предоставлена была возможность вновь начать в Петрограде и в армии их предательски разрушительную работу.

Столь странное и преступное перед родиной попустительство со стороны Временного правительства по отношению к руководителям большевистского движения объясняется прежде всего слишком тесной связью Временного правитель-

1) Утверждение явно вздорное: как известно, петроградский гарнизон либо принимал участие в выступлении, либо „в лучшем случае“ оставался нейтральным. *Ред.*

2) Эта грязная клевета особенно популярна была в „июльские дни“, когда были пущены в ход „документы“, специально сфабрикованные известным проходивцем г. Алексинским. *Ред.*

ства с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов (в числе членов правительства были и такие, как Чернов, члены этого совета) и страхом перед ним.

А совет рабочих и солдатских депутатов в своей массе был настроен явно большевистски ¹⁾.

После подавления большевистского выступления военное министерство несколько ускорило темп своей работы по выработке мер, связанных с восстановлением боеспособности армии.

В ставке также был приготовлен перечень мероприятий, без проведения коих в жизнь считалось невозможным сохранить армию, как боевую и дисциплинированную силу.

Первым пунктом в этом перечне было указано на необходимость восстановить смертную казнь в тылу.

Г. Керенский обратился к верховному главнокомандующему с предложением собрать в ставке военный совет, на который пригласить главнокомандующих фронтами и тех генералов, которых генерал Брусилов признает полезным выслушать на заседании. Собрание совета было назначено, если не ошибаюсь, на 18 (31) июля.

Кроме главнокомандующих фронтами, на этот совет генерал Брусилов пригласил генералов Алексеева, Рузского, Гурко и Драгомирова.

После мартовского переворота ген. Гурко был назначен главнокомандующим западного фронта вместо генерала Эверта, а генерал Драгомиров — главнокомандующим северного фронта вместо генерала Рузского.

Но оба они на своих местах долго не оставались.

На заседании, бывшем в Петрограде в Зимнем дворце, они оба выступили с резкой критикой деятельности военного министерства и Временного правительства, указывая, что эта деятельность ведет к гибели армии.

Вслед за этим был смещен генерал Гурко, а несколько позднее — генерал Драгомиров.

За два дня до заседания от г. Керенского был по телеграфу получен запрос о том, кого именно пригласил генерал Брусилов на заседание.

В ответной телеграмме был сообщен перечень приглашенных.

Вслед за этим г. Керенский прислал телеграмму, что он считает недопустимым присутствие на заседании генералов Гурко и Драгомирова; что, если они будут, то он, Керенский, на заседании не будет...

¹⁾ Это неверно. В июльские дни совет в своем большинстве еще не был большевистским. Это создавало отрыв и Петроградского совета и I Съезда советов от рабочих и солдатских масс столицы, в своей массе действительно настроенных большевистски. *Ред.*

Этот факт очень характерен для оценки личности г. Керенского.

Мелочный, злобный, интересы дела ставивший ниже своего мелкого самолюбия и тщеславия.

Он знал отлично, что оба эти генерала были одними из лучших боевых генералов, выдвинутых войной. Но он также знал, что они оба прямолинейны и резки, и не хотел допустить их присутствия на заседании, дабы избежать резкой критики.

Генерал Брусилов приказал послать соответствующие телеграммы обоим генералам. Но было поздно, так как они уже выехали в Могилев. Пришлось, по приезде их в ставку, им объявить, что г. Керенский не хочет их видеть на заседании.

Накануне заседания генерал Брусилов был чем-то занят и отложил мой доклад до следующего дня.

На другой день, как всегда, в 9 часов утра я пришел к нему с докладом.

Только что начался доклад, как по телефону сообщили, что подходит экстренный поезд, в котором ехал г. Керенский.

Надо сказать, что после вступления на пост премьер-министра кн. Львова, Керенского в ставке еще не было; таким образом он появился в Могилеве в качестве председателя Временного правительства впервые и, повидимому, ожидал торжественной встречи.

Генерал Брусилов спросил меня, как быть. Я ответил, что доклад у меня небольшой; но что если он задержится на вокзале, то не успеет прочитать всех необходимых для заседания материалов, которые я ему принес, и он к заседанию может оказаться недостаточно ориентированным.

Генерал Брусилов решил на вокзал не ехать, а послал встретить г. Керенского своего генерала для поручений, который должен был доложить, что верховный главнокомандующий извиняется, что не встретил, но что у него срочная работа, и он просит председателя Временного правительства приехать на заседание к двум часам дня, т.е. к часу, назначенному для заседания самим Керенским.

Окончив доклад, я прошел к себе.

Минут через десять прибегает взволнованный адъютант генерала Брусилова и говорит, что верховный главнокомандующий просит меня срочно притти к нему, так как надо ехать на вокзал.

Надев шапку, выхожу в переднюю и вижу генерала Брусилова, уже спускающегося с лестниц.

— В чем дело?

— Керенский прислал своего адъютанта сказать мне,

что он ждет меня в вагоне и просит приехать немедленно. Поедем вместе.

Приезжаем на вокзал.

Адъютант Керенского пошел докладывать и через несколько минут вернулся и сказал, что председатель Временного правительства нас ожидает.

Входим в салон-вагон.

Г. Керенский, небрежно развалившись, сидит на диване.

При нашем входе, едва приподнявшись, здоровается и, обращаясь к ген. Брусилову, говорит: «Генерал, доложите о том, что делается на фронте...» Генерал Брусилов делает краткий доклад.

Г. Керенский выслушал и, сказав, что будет на заседании в два часа дня, нас отпустил.

Впоследствии мне передавали, что г. Керенский, действительно ожидавший почетного караула и торжественной встречи, был страшно обозлен и возмущен тем, что генерал Брусилов осмелился даже не приехать его встретить.

Возмущенно он в присутствии приехавших с ним заявил: «При царе эти генералы не посмели бы себя так нагло держать. А теперь позволяют себе игнорировать председателя правительства! Я им покажу». И послал за ген. Брусиловым.

Из приглашенных на совет не приехал с фронта генерал Корнилов, приславший телеграмму, что боевая обстановка ему не позволяет покинуть фронт.

Заседание проходило под председательством генерала Брусилова.

На заседании очень сильную и яркую речь произнес генерал Деникин.

Речь была настолько резкая, что генерал Брусилов, перебив генерала Деникина, сказал: «нельзя ли короче и затрогивайте только вопросы, касающиеся поднятия боеспособности армии».

Генерал Деникин тогда заявил, что он просит или дать ему возможность высказаться полностью, или он ничего больше говорить не будет.

Генерал Брусилов попросил его продолжать.

Генерал Деникин подробно разобрал отношение Временного правительства и, в частности, военного министерства к армии и офицерскому составу с момента революции, указав, что в развале армии в значительной степени виновно Временное правительство; указал, что оно своим попустительством все время позволяло прессе и агентам большевиков оскорблять корпус офицеров, выставлять их какими-то наемниками, опричниками, врагами солдат и народа; что Временное правительство своим несправедливым отношением к офицерам их превращает в каких-то париев.

Закончил свою речь генерал Деникин указанием, что те, которые сваливают всю вицу в развале армии на большевиков, лгут; что прежде всего виноваты те, которые углубляли революцию, и «вы, г-н Керенский»; что большевики — только черви, которые завелись в ране, нанесенной армии другими.

После речи генерала Деникина Керенский встал и, обращаясь к нему, сказал: «Позвольте мне вас поблагодарить за откровенно и смело высказанное вами мнение».

Это было театрально, но... возразить ничего г. Керенский не сумел.

После генерала Деникина начал говорить ген. Рузский, указывая, что Временному правительству нужно особенно беречь корпус офицеров, на котором всегда зиждилась и будет зиждиться мощь армии, что русские офицеры всегда были близки к солдатам, заботясь о них и разделяя с ними на походе и в бою все радости и горести; что Временное правительство совершает ошибку, потворствуя преследованию офицеров в печати и на всевозможных митингах; что действия Временного правительства могут повести к гибели корпуса офицеров...

Г. Керенский прервал генерала Рузского и в очень резкой форме стал говорить, что нападки на Временное правительство несправедливы; что в развале армии виновны во многом генералы, саботирующие новый строй; генералы, которые при старом режиме не смели возражать, а теперь стараются дискредитировать власть¹⁾.

Генерал Алексеев, который перед заседанием сказал мне лично, что он отведет душу и скажет всю правду истинным виновникам развала армии, после прерванной речи генерала Рузского сказал: «После того, что сказано генералами Деникиным и Рузским, я ничего добавить не могу. Я всецело присоединяюсь к тому, что они сказали».

Заседание так и не выработало ничего конкретного.

Председатель Временного правительства вместе со своими спутниками уехал в Петроград в тот же день.

На другой день была получена из Петрограда телеграмма, что, согласно постановлению Временного правительства, генерал Брусилев освобождается от должности верховного главнокомандующего, а на его место назначается главнокомандующий юго-западного фронта генерал Корнилов.

До приезда генерала Корнилова мне предлагалось вступить во временное исполнение должности верховного главнокомандующего.

1) В этом Керенский был, несомненно, прав. *Ред.*